

ЧТО НЕСЁТ С СОБОЙ ОБНОВЛЕНИЕ ПРОГРАММ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

Полемиические заметки

В последние пять лет тема модернизации образования стала притчей во языцех во всех слоях общества. В педагогическом сообществе до предела дошла конфронтация между «традиционалистами» и «обновленцами». В этом плане статья И. Калёновой «Появилась новая литература» (НО, 2005, № 2) весьма показательна. Когда учитель-практик имеет своё мнение и убедительно отстаивает его — значит не всё так плохо в нашем цехе. К тому же автор статьи — аспирантка, то есть готовится внести свой вклад и в науку. Это обстоятельство даёт дополнительный весомый аргумент в подкреплении её позиции.

Олег Егоров,

член-корреспондент
Международной
академии наук
педагогического
образования
(МАНПО), лауреат
премии губернатора
Московской обл.
для работников
образования,
заместитель
директора лицея,
доктор
филологических
наук

Однако, если рассматривать концепцию И. Калёновой по существу, в ней выйдут на свет не только очевидные противоречия, но и профессиональная некомпетентность. Главное положение её статьи — требование обновить программу по литературе и включить в эту программу произведения 1990–2000 годов.

Открываем программу под редакцией В.Я. Коровиной (М.: Просвещение, 2003) «Литература конца XIX — начала XX века». Считаем: проза — 14 авторов, поэзия — 15 авторов. Куда больше? Ведь среди них нет ни Толстого, ни Шолохова, ни Твардовского. Обзора и выборочного анализа вполне достаточно для характеристики литературного процесса и его наиболее заметных представителей.

И. Калёнова считает задачей школьного литературного образования «воспитание читателя, способного ориентироваться в многообразии литературы и оценивать её». Думается, это задача, непосильная даже для аспирантки Самарского педуниверситета, а не только для одиннадцатиклассников.

Далее автор статьи формулирует ещё один тезис, звучащий в её устах как аксиома: выпускник средней школы не будет перечитывать классическую литературу, но столкнётся в дальнейшей жизни с литературой современной. Где и при каких обстоятельствах, автор не указывает. Да и не может указать, потому что тезис произволен. Что будут читать нынешние школьники, зависит не только (а может, и не столько) от школы, сколько от множества других факторов, которые школа, увы, не детерминирует с неизбежностью.

Учитель И. Калёнова превратно понимает задачи литературного образования и подтверждает это несколько раз. По её мнению, выпускник должен «ориентироваться в многообразии литературы» с позиции «что такое хорошо и что такое плохо». Даже в начальной школе такой критерий считается крайне примитивным. Уже там говорят о красоте, образности и гармонии, то есть воспитывают на литературных образцах чувство прекрасного. Эстетический критерий лежит в основании и всей литературной классики, которая и служит образцом для читателей и писателей.

Основной методический изъян концепции И. Калёновой — отсутствие эстетического критерия в подходе к литературе. А он имеет решающее значение, так как литература — это искусство, а не средство, накладывающее, как пишет автор, «особую ответственность на читателя, который не имеет права быть посторонним наблюдателем».

дателем». (Какую ответственность и наблюдателем чего, автор не пишет.)
Позиция И. Калёновой в этом смысле характерна для всего поколения учителей 1990-х годов. Она отличается размытостью художественно-эстетических критериев, подменой художественности публицистической риторикой, образности — словесным суррогатом, идеалов — примитивным натурализмом и откровенным абсурдом («легендой», по терминологии И. Калёновой).

И. Калёнова бросает классике упрёк в том, что та всё время поучала, «как надо жить», строила «некую идеальную жизнь»: «Реальная жизнь её (русскую литературу. — О.Е.) интересует, как правило, лишь постольку, поскольку на её конкретном фоне можно показать, какой эта жизнь действительно должна быть». Полно! О какой литературе идёт речь? Читала ли аспирантка что-нибудь из русской литературы? Она вся сплошь, от мала до велика по литературной табели о рангах показывала «живую жизнь». Именно так В.В. Вересаев назвал творчество Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. А ещё раньше Н.А. Добролюбов назвал драмы А.Н. Островского «пьесами жизни». А Ф.В. Булгарин литературу 1840-х годов — «натуральной школой» и т.п.

Сила русской классики заключалась в её *эстетической убедительности*, поэтому она и воспринимается как нечто идеальное. Последнего качества лишена литература современная. В ней приземлённость сочетается с этическим и эстетическим релятивизмом, который не может быть критерием художественной полноценности произведения искусства. Навязываемые молодёжи посредством СМИ, бульварной литературы и — чего греха таить — нередко школой представления о том, что реальная жизнь — это «творимая легенда» (по И. Калёновой), приводят в итоге к внутренней опустошённости, размыванию ценностных критериев. Не случайно именно за последние 20 лет в разряд положительных эстетических категорий

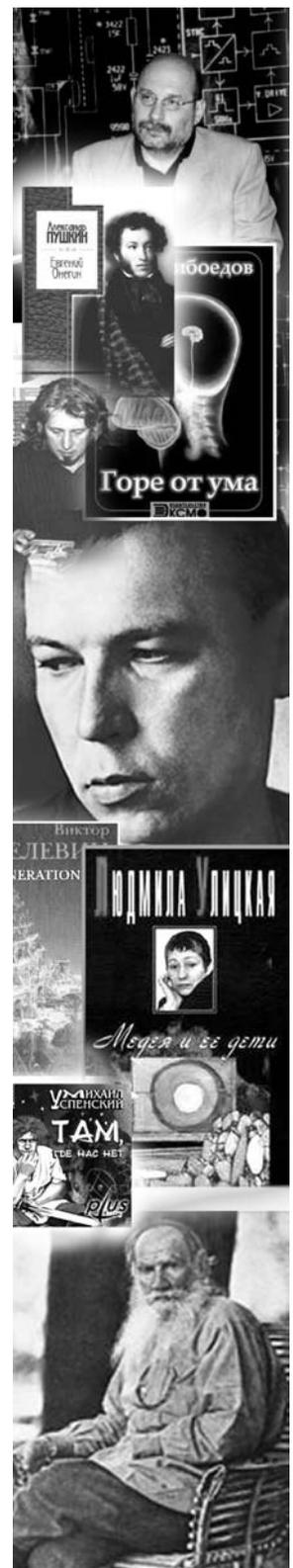
попало «безобразное». А крылатую фразу М. Горького «в жизни всегда есть место подвигу» обыватель-интеллигент дополнил своим «ужиным» шипением: «Но надо всегда стараться быть подальше от него».

Если мы отдадим в руки пелевиных художественно-эстетическое воспитание наших детей, то уже следующее поколение станет, по Щедрину, гастрономически-половыми особями, у которых главный жизненный девиз — «Жрать!». Жрать — не в смысле наполнения желудка, а в смысле сведения всех многообразных функций общественного человека к двум — потреблению и воспроизводству. И потреблять они будут с одинаковым наслаждением и пепси-колу, и чтиво.

В интерпретации И. Калёновой в классической и современной литературе всё поставлено с ног на голову. Так, автор пишет, что «русскую классическую литературу очень легко читать — она предлагает готовые мысли, чувства, эмоции, которые остаётся только усвоить». Новую же литературу «невозможно проглотить» за один день». Это Достоевского легко читать?! Это Тютчева можно проглотить за один день?! Тургенев в предисловии к стихотворениям в прозе — миниатюрам размером в полстраницы — рекомендовал читать их в день по одному, чтобы не скрасить художественного впечатления! По приведённым выше цитатам можно судить, какого рода читателя воспитает современная школа.

И. Калёнова считает, что литература заменяет жизнь (как одна героиня Горького в «Варварах») и к тому же учит её принимать. Оказывается, новая литература «отказалась от бессмысленных доказательств того, что окружающая нас действительность плоха и нуждается в реконструкции». Bravo! Рождённый ползать летать не может! Школьный учитель, аспирант не видит в этом жизненной трагедии целого поколения и всей страны!..

А вот что говорил об этом устами своей героини М. Горький: «Мы живём

в стране, где только писатель может быть глашатаем правды, беспристрастным судьёй пороков своего народа и борцом за его интересы... Только он может быть таким, и таким должен быть русский писатель».

Все формулировки и положения статьи И. Калёновой крайне неопределённые, терминологически некорректны. Литературоведение — наука, и чтобы «воспитать человека, свособного ориентироваться в многообразии литературы и оценивать её», надо научить его азам этой науки, а не потакать пещерным «вкусам» поколения NEXT. Если у учителя не хватает духа, эрудиции, нравственной силы воспитать настоящего читателя — значит он выбрал не ту профессию.

Я в одном согласен с И. Калёновой: «Учитель, — пишет она, — должен быть универсален». Но следующая часть фразы полностью перечёркивает её начало: «...Он не имеет права жить вне времени, не может отворачиваться от действительности». Вневременность И. Калёнова понимает как банальную актуальность, современность. А это глубоко неверно. Вневременность — это не только настоящее. О Тургеневе один старый учёный сказал, что он жил и творил «на грани двух культур». Вот это и есть подлинное местонахождение учителя литературы. Он обязан жить на грани культур, а не погружаться (вместе с учениками) во мрак и грязь современности.

Величие классики в том, что она, стоя одной ногой в неприглядной действительности, предвосхищала будущее *с позиции идеала*: красоты, нравственного подвига, самопожертвования. «Идеальные» образы Пушкина, Тургенева, Островского, Блока более реальны, чем банальная действительность. А вот герои Пелевина и К⁰ ирреальны. Они сиюминутны, тленны, преходящи. Я вообще сомневаюсь, стоит ли тратить драгоценное учебное (и неучебное) время на чтение

подобных опусов. Они вряд ли обогатят духовный мир молодого человека. И это не проблема поколений, отцов и детей. Это проблема истинных и мнимых ценностей, которую новая русская литература не в состоянии решить, в отличие от литературы XIX и XX веков.

И. Калёнова сокрушается по поводу того, что в школьной программе мало современных писателей. Но почему в ряд современных у неё попал лишь Пелевин и ему подобные? А разве Ю. Бондарев не наш современник? А В. Личутин, А. Проханов? По крайней мере, у них всё в порядке с системой ценностей. Но, кроме того, у того поколения есть ещё и неоспоримое преимущество (которого лишено поколение пелевиных): они стояли на грани культур и у них есть с чем соотносить современные ценности и в жизни, и в искусстве. Почему бы их сайты не посетить ученикам И. Калёновой?

Литература любой эпохи изучается по её вершинам. Таков закон. И сетование на недостаточность часов не более чем желание персонажа К. Прутков объять необъятное. Но между изучением и чтением для себя есть большой временной промежуток. Тот, кому нравится Пелевин, заполнит его чтением «Чапаева и Пустоты». А в школьной программе должны остаться только «вершины». По ним будущие поколения станут судить о нас. У них выработаны твёрдые эстетические и нравственные критерии.

«Обновление» программы по литературе в 1990-е годы вылилось в бесконтрольную и беспредельную отсебятину. Так что большинство современной молодёжи не знает ни классику, ни современную литературу. Это печально, но факт. Стоит ли ещё раз повторять ошибки прошлого?

**г. Железнодорожный
Московской обл.**

